

Когда Мужун Шу Цин пришла во двор Ци Юня Ци Юнь Юань [1], небо уже было совершенно темным, и двор освещало два ряда малиновых фонарей. В прихожей колыхались тени людей. У Мэй рассеянно ходила взад-вперед и время от времени поглядывала в сторону внутренней комнаты. У нее по щекам беззвучно текли слезы, что выглядело хуже, чем если бы она плакала навзрыд. Хэ Сянцзюнь сидела на хозяйском месте, на ее лице также читались тревога и печаль. Периодически из комнаты выносили таз с покрасневшей от крови водой, что действительно заставляло их сердца волноваться еще больше.

[1] Ци – жить, Юнь – облако, Юань – двор.

Ци Чжунлинь, напротив, выглядел намного спокойнее. Но он крепко сжал руки перед грудью, и его обычно мудрые тигриные глаза были закрыты, как будто он отдыхал, так что никто не знал, о чем он думал.

Мужун Шу Цин вошла в прихожую, но тоже не издала ни звука и просто тихонько встала в стороне. В это время никто не обращал на нее внимания. В комнате не оказалось Ци Жуя и Ци Фэн Сянь, поэтому она не знала, слышали ли они о травме Ци Юня, или уже отправились расследовать этот инцидент. Через некоторое время Ци Чжунлинь открыл глаза и посмотрел на Мужун Шу Цин, которая задумчиво стояла у двери. «Шу Цин, ты пришла», - позвал он несколько усталым голосом.

Мужун Шу Цин подняла голову и посмотрела в эти глаза, которые все еще были добрыми, яркими и дальновидными, но она также могла уловить в них некоторое беспокойство. Она медленно подошла к нему и смиренно спросила: «Дедушка, как поживает старший дядя?» Она стояла здесь уже некоторое время, скорее всего, рана Ци Юня была очень тяжелой.

Ци Чжунлинь ответил не сразу, лишь встал и сказал: «Следуй за мной».

Два человека, один впереди, а другой сзади, вышли из прихожей, что заставило остальных чувствовать себя подавленными. Двор Ци Юнь Юань был усажен деревьями, и выглядел внушительным и просторным. В эту ночь по его территории то и дело сновали пятнистые тени. Два человека вскоре остановились под большим деревом. Ци Чжунлинь не собирался ходить вокруг да около, поэтому прямо сказал: «Ты прекрасно знаешь, что войны между Дунъюй и Цан Юэ избежать невозможно».

- Я знаю, сегодняшнее нападение на старшего дядю кажется преднамеренным, в таком случае война уже началась, - на самом деле, когда Сюаньюань И поспешил добраться до границы Линь Фэн Гуань, эту войну уже невозможно было остановить.

- Тогда ты должна понимать, почему они напали на твоего старшего дядю, - глядя на спокойную и сдержанную Шу Цин перед ним, лицо Ци Чжунлиня неожиданно осветила улыбка. Эта Шу Цин не была тепличным и нежным цветком, в таком случае во время шторма никто не сможет легко сбить ее с ног.

Две страны столкнулись, используя все свои силы - военную мощь, боевые искусства,

хитроумные стратегии и... армейское обеспечение. Имя Сюаньюань И потрясло все четыре стороны, столкнувшись с ним лицом к лицу, военачальники Цан Юэ не были уверены, что победят. Если она не ошиблась в своих предположениях, то в следующий раз Цан Юэ нанесет тяжелые потери Дуньюй самым прямым и эффективным способом, который состоял в том, чтобы отрезать его армию от снабжения.

Тщательно обдумав это, Мужун Шу Цин несколько встревожилась, взглянув на Ци Чжунлиня, который выглядел обремененным заботами. Он уже много лет как покинул императорский двор и действительно намеревался избегать политики, но сегодняшнее дело могло быть только началом. Даже пожелай кто-то защитить семью Ци, он бы побоялся окунуться в эту мутную воду. Но дедушке по материнской линии было уже 70 лет! Глазам Мужун Шу Цин вдруг стало больно, она не могла позволить ему снова быть втянутым в эти сложные дела, поэтому Мужун Шу Цин вздохнула и сказала: «Дедушка, позволь мне разобраться с этим делом!»

Ци Чжунлинь посмотрел на полную луну и откровенно громко рассмеялся. На протяжении всей своей жизни он мог беспрепятственно передвигаться по всему миру, но сегодня эта молодая барышня перед ним хотела поддержать небо для него. Обернувшись, чтобы слегка похлопать Мужун Шу Цин по плечу, Ци Чжунлинь, в глазах которого появился легкий туман, печально улыбнулся и сказал: «Я знаю, что люди, которые находятся рядом с тобой, могут защитить тебя, и понимаю твои намерения, но здесь небезопасно, поэтому тебе следует перебраться во двор Жуй'эр Шуан Тянь Би [2]. Тогда я буду точно знать, что делать».

[2] Шуан Тянь - морозное небо, Би - покидать.

Мужун Шу Цин все еще думала, что сказать, но она также понимала, что, поскольку у Ци Чжунлиня уже были свои собственные планы, ей оставалось только как следует защитить себя. Не быть ему обузой – сейчас это, должно быть, лучшее, что она могла сделать. Мужун Шу Цин все еще демонстрировала ту же легкую и спокойную улыбку, когда подняла голову и ответила: «Я понимаю, тебе не нужно беспокоиться обо мне».

- М-м, теперь иди, - Ци Чжунлинь кивнул головой и махнул рукой, а затем снова повернулся к этой пятнистой голубовато-зеленой тени.

Мужун Шу Цин повернулась и медленно пошла прочь, чтобы больше не тревожить его мысли. Ей также следует хорошенько подумать, что она будет делать дальше.

Под полной луной Цуй Сяо Су выглядел прекрасно в своем уединении. Мужун Шу Цин вошла во двор и сразу же увидела тарелку простого отвара и чашу зеленого чая, которые стояли на низком столике в павильоне. Присев на мягкий диван, она слегка погладила чашку, ощущая теплую температуру, которая согрела одновременно ладонь и сердце Мужун Шу Цин. Отпив немного отвара, она почувствовала легкую сладость на губах.

Спокойно допив лечебную жидкость, ход мыслей Мужун Шу Цин, который был немного в

хаосе, постепенно прояснился. Поднявшись на ноги, она мягко позвала: «Янь Юй, Цан Су».

Как только она закончила говорить, поблизости появилось два темных силуэта.

Яркий голос Мужун Шу Цин эхом разнесся по тихому двору: «Янь Юй, завтра ты проводишь меня во двор Шуан Тянь Би, затем уведоми Фэн Ци Сюаня, чтобы он разрешил десяти людям вернуться в поместье Мужун, я не хочу, чтобы кому-либо в семье Мужун причинили вред. Более того, оставьте четырех человек здесь, я хочу быть в курсе ситуации в семье Ци. Цан Су, ты немедленно отправишься на границу Лин Фэн Гуань, чтобы писать отчеты, регулярно информируя меня о происходящем на границе Лин Фэн Гуань и Цан Юэ».

- Слушаемся, - после того, как каждый из них получил свое задание, их проворные фигуры мгновенно исчезли со двора точно так же, как появились.

Закрыв глаза, Мужун Шу Цин ощутила слегка холодный ночной ветер. Ей не хотелось ввязываться в политику, но людям не всегда можно было освободиться от своих обязанностей. Однако такая ноша, особенно когда нужно было о ком-то заботиться, заставляла ее чувствовать себя счастливой.

- Барышня, уже начало зимы, вы должны заботиться о своем здоровье, - глядя на тоненькую фигуру барышни издалека, казалось, что ветер может сдуть ее в любое время. Она всегда беспокоилась за других людей, но не знала, как помочь самой себе.

Цзин Шуй тут же накинула парчовый плащ ей на плечи, и Мужун Шу Цин, схватив ее за руку, повела в павильон. Когда они обе устроились на мягком диване, Цзин Шуй все еще чувствовала себя несколько неловко, но из-за настойчивости Шу Цин была вынуждена оставить эту тему. «Цзин Шуй, какие у тебя планы на будущую жизнь?» - тихо спросила Мужун Шу Цин. Больше всего она беспокоилась о Цзин Шуй, о том, что аутизм этого ребенка не излечится, и этот ее глупый «старший брат» тоже будет страдать.

- Я? - Цзин Шуй, только расслабившись, снова напряглась из-за вопроса Мужун Шу Цин. Подумав мгновение, она медленно молвила: - Я всего лишь рабыня, какие у меня могут быть планы на будущее?

- Ты хочешь всю жизнь провести в этом маленьком дворике?

Хотела ли она остаться здесь навсегда? Цзин Шуй только ниже опустила голову и долго ничего не говорила. Мужун Шу Цин знала, что она замкнулась в своем собственном мире, тихонько вздохнув, она похлопала ее по руке и сказала: «Завтра я покину семью Ци, но я немного беспокоюсь о тебе». Она хотела взять Цзин Шуй с собой. Если бы та была рядом с ней, она могла бы потихоньку излечить ее от боязни мира.

- Барышня, вы хотите уйти? - услышав новость о том, что Мужун Шу Цин хочет уехать, на сердце у Цзин Шуй неожиданно стало беспокойно. Она уже привыкла повсюду сопровождать

барышню. Если она уйдёт, что ей делать?! - Тогда я...

- Цзин Шуй, конечно, ты должна пойти с нами! - видя, что Цзин Шуй сомневается, Лу И не могла не присоединиться.

- Лу И...

Понимая противоречивые мысли Цзин Шуй, Мужун Шу Цин не хотела слишком сильно давить на нее, поэтому она с улыбкой сказала: «Сердце человека отдыхает только там, где есть дом. Лу И, пусть Цзин Шуй хорошенько подумает об этом».

Лу И подошла к Цзин Шуй, слегка приподняла ее лицо, и сказала, глядя прямо в нерешительные глаза Цзин Шуй: «Это верно, но, например, я, когда нахожусь рядом с барышней, ощущаю спокойствие. Чувство, что она всегда подбодрит и позаботится обо мне, ни с чем несравнимо. Это потому, что благожелательность всегда укрепляет силы людей, и она в сердце каждого, а не в этом маленьком дворике».

Слова Лу И заставили Мужун Шу Цин радостно улыбнуться, за три года эта молодая девушка выросла.

Зная, что слова Лу И действительно имели смысл, Цзин Шуй все еще немного колебалась. Она слегка приоткрыла рот и с трудом произнесла: «Лу И, боюсь, что я недостаточно сильна».

Видя, что она уже была тронута, Лу И быстро и ободряюще сказала: «Никто не знает, достаточно ли ты силен, но выйти из этого маленького дворика - это уже сильный и смелый первый шаг! Более того, если ты не позаботишься о барышне вместе со мной, как я смогу сделать это самостоятельно? Такой уж человек наша госпожа - она не будет заботиться о своем здоровье, будет легко одеваться в холодную погоду, если она занята, она может забыть о приеме пищи. Более того...»

- Хватит! - Мужун Шу Цин не знала, смеяться ей или плакать, и покачала головой. Бросив взгляд на Лу И, она с улыбкой сказала: - Цзин Шуй, если ты не согласишься, эта девушка будет продолжать делать плохие вещи, которые я не в состоянии сделать самостоятельно!

- Барышня!.. - Лу И слегка топнула ногой. Разве она не пыталась помочь барышне убедить Цзин Шуй? А она только посмеялась над ней.

Мужун Шу Цин выглядела так, словно ласкала щенка, когда нежно погладила Лу И по голове. Глядя на эту милую сцену, Цзин Шуй не смогла сдержать улыбки, и вскоре маленький дворик наполнился звуками радостного смеха.